

Книги
ПАТРИЦИИ ХАЙСМИТ,
опубликованные
Издательской Группой «Азбука-Аттикус»

Незнакомцы в поезде

Те, кто уходят

Два лика января

Глубокие воды

Талантливый мистер Рипли

Мистер Рипли под землей

ПАТРИЦИЯ
ХАЙСМИТ

МИСТЕР РИПЛИ
ПОД ЗЕМЛЕЙ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

1

Том был в саду, когда зазвонил телефон. Он знал, что мадам Аннет, их экономка, снимет трубку, и продолжал счищать мох, облепивший каменные ступеньки. Октябрь в этом году выдался сырой.

— Мсье То-ом! — прозвучало сопрано мадам Аннет. — Это Лондон!

— Иду! — откликнулся Том. Он бросил лопату и поднялся по ступенькам.

На первом этаже телефон был в гостиной. Том не стал садиться на диван, обитый желтым атласом, так как был в рабочих джинсах.

— Том? Привет. Это Джефф. Ты... *(Щелк!)*

— Ты можешь говорить громче? Очень плохо слышно.

— Так лучше? Я слышу тебя нормально.

На другом конце провода всегда слышали нормально.

— Да, немного лучше.

— Ты получил мое письмо?

— Нет.

— Мм... Тут у нас проблема. Я хотел предупредить тебя. Дело в том...

Треск, зуммер, щелчок, и связь прервалась.

— Вот черт, — произнес Том флегматично. О чем предупредить? Что-то с галереей? С компанией «Дерватт лимитед»? Предупредить *его*? Но он же не занимается их делами. Да, это ему пришла в голову идея создать «Дерватт лимитед», и теперь она приносила ему кое-какие дивиденды, но... Том взглянул на телефон, ожидая, что тот зазвонит опять. Или, может быть, позвонить самому? Но он не знал, где Джефф — в галерее или у себя в студии. Джефф Констант был фотографом.

Том вышел в сад через стеклянные двери с задней стороны дома. Он поработает еще немного, решил он. Ему нравилось поковыряться часок-другой в саду — погонять взад-вперед газонокосилку, выполоть сорняки, сжечь сучья. Это давало возможность подышать свежим воздухом, а заодно о чем-нибудь помечтать... Не успел он взяться за лопату, как снова раздался звонок.

В гостиной опять появилась мадам Аннет с тряпкой для пыли в руках. Это была жизнерадостная крепкая коротышка лет шестидесяти. По-английски она не знала ни слова и, похоже, была неспособна выучить даже «Good morning»¹. Тома это вполне устраивало.

— Я подойду, мадам, — сказал Том и взял трубку.

— Алло! — раздался голос Джеффа. — Слушай, Том, ты не мог бы приехать сюда? Я...

¹ Доброе утро (англ.). — Здесь и далее примечания переводчика.

МИСТЕР РИПЛИ ПОД ЗЕМЛЕЙ

— Ты — что? — Опять помехи, но спасибо, хоть связь на этот раз не прервалась.

— Я говорю, что я все объяснил в письме. Я не могу по телефону. Это очень серьезно, Том.

— Кто-то напортачил? Бернард?

— Отчасти. Тут один тип прилетает из Нью-Йорка — может быть, уже завтра.

— Что за тип?

— Я объяснил в письме. Ты ведь знаешь, во вторник открывается выставка Дерватта — впервые за два года. До тех пор постараемся избежать встречи с американцем — нас с Эдом просто «не будет на месте». — Тон у Джеффа был озабоченный. — Ты располагаешь временем, Том?

— Да... — Тому не хотелось ехать в Лондон.

— Было бы, наверно, лучше, если бы ты не говорил Элоизе, что едешь в Лондон.

— Элоиза в Греции.

— Да? Это хорошо. — В голосе Джеффа впервые прозвучало некоторое облегчение.

Письмо пришло в пять часов — заказное и срочное.

«Чарлз-плейс, 104

Дорогой Том,
во вторник 15-го состоится открытие выставки Дерватта, после двухлетнего перерыва. У Бернарда девятнадцать новых полотен; многие владельцы представят свои картины. Но возникло одно затруднение.

Объявился некий американец по имени Томас Мёрчисон — не торговец, но коллекционер.

Он на пенсии, и бабок у него немерено. Три года назад он купил у нас одного Дерватта. Недавно в Штатах он увидел его более раннюю работу и теперь говорит, что принадлежащая ему картина — подделка. Так оно и есть, разумеется, — ведь ее писал Бернард. Он прислал мне письмо на адрес Бакмастерской галереи, в котором пишет, что, по его мнению, проданная ему картина не подлинная, так как техника и цветовая гамма типичны для более раннего дерваттовского периода. Не сомневаюсь, что он собирается поднять в связи с этим кипеш. Что нам делать? Может, ты придумаешь что-нибудь? У тебя котелок всегда хорошо варил.

Не мог бы ты приехать, чтобы обсудить это? Мы возьмем на себя все расходы. Что нам нужно в первую очередь — так это доказать, что у нас все в порядке. Я не думаю, чтобы Бернард допустил какой-нибудь серьезный ляпсус в одной из последних работ. Но он психует, и лучше бы ему поменьше показываться на людях — даже на открытии выставки (на открытии-то тем более).

Пожалуйста, приезжай, как только сможешь!

Всего,

Джефф.

P. S. Письмо Мёрчисона было вежливым, но что, если ему взбредет в голову убедиться во всем самолично и он начнет разыскивать Дерватта в Мексике?»

«Да, это было бы забавно», — подумал Том. Ибо Дерватта не существовало. Согласно легенде, сочиненной Томом и распространенной Бак-

мастерской галереей и узким кругом друзей художника, Дерватт уединился в маленькой забытой богом деревушке в Мексике. У него нет телефона, он никого не хочет видеть и запретил галерею давать свой адрес кому бы то ни было. Если Мёрчисон отправится в Мексику на розыски Дерватта, ему хватит этого занятия до конца дней.

Чего Том действительно опасался, так это того, что Мёрчисон привезет с собой свою картину, начнет болтать с торговцами и поднимет шум в прессе. Возникнут нежелательные подозрения, и в итоге с фирмой «Дерватт лимитед» будет покончено. Впутает ли «шайка» в эти разборки его, Тома? (Мысленно он всегда называл друзей Дерватта из галереи «шайкой», хотя его самого всякий раз коробило от этого слова.) Бернард вполне мог бы упомянуть имя Тома Рипли, подумал Том, и не по злему умыслу, а просто в силу своей патологической честности — ни дать ни взять Иисус Христос.

Тому удалось сохранить свое имя и репутацию чистыми — он сам поражался этому, вспоминая все, что за ним числилось. Было бы очень неприятно, если бы во французских газетах появилось сообщение, что Томас Рипли, проживающий в Вильперсе-на-Сене, муж Элоизы Плиссон, дочери миллионера Жака Плиссона, владельца знаменитой фармацевтической фирмы, является инициатором сверхприбыльной аферы в виде компании «Дерватт лимитед» и уже несколько лет получает проценты от ее доходов — пусть даже этих процентов всего десять. Это выглядело бы

слишком мелко и гнусно. Даже Элоиза, чьи моральные устои были, по мнению Тома, близки к нулю, вряд ли воспримет это хладнокровно, а уж ее папочка непременно нажмет на дочь, перестав выплачивать ей содержание, чтобы расторгнуть их брак.

«Дерватт лимитед» стала большой, разветвленной организацией, и закрытие галереи повлечет за собой крах целого ряда предприятий. Среди них и торговля различными художественными материалами и орудиями труда, выпускавшимися под маркой «Дерватт», от которой вся «шайка», включая Тома, кое-что имела, и Школа искусств Дерватта в Перудже. Правда, учениками школы были в основном разные милые старушки да американские студентки, приехавшие в Италию на каникулы, но тем не менее это тоже приносило определенный доход. Основная же прибыль поступала не в виде платы за обучение и не от продажи материалов, а от посредничества в сделках с недвижимостью. Они подыскивали дома и фешенебельные квартиры для обеспеченных туристов и, естественно, получали от этого неплохой навар. Школой управляла парочка английских леди, не имевших никакого отношения к мошенничеству с картинами и не знавших о нем.

Том никак не мог решить, ехать ему в Лондон или нет. Что он может им посоветовать? И потом, он не совсем понимал суть возникшей проблемы. Почему бы художнику в какой-то из своих картин не вернуться к старой манере?

МИСТЕР РИПЛИ ПОД ЗЕМЛЕЙ

— Мсье предпочитает на ужин отбивные из молодого барашка или холодную ветчину? — спросила мадам Аннет.

— Отбивные, пожалуй. Спасибо, мадам Аннет. Кстати, как ваш зуб?

Зуб всю ночь не давал ей покоя, и утром она пошла к местному врачу, пользовавшемуся ее глубочайшим доверием.

— Больше не болит. Доктор Гренье такой замечательный специалист! Он сказал, что там гнойник, но теперь, после того как он вскрыл зуб, нерв выпадет сам собой.

Том кивнул, хотя про себя удивился, каким это образом нерв может выпасть сам собой. Под действием силы тяжести? Ему однажды вытаскивали нерв, тоже из верхнего зуба, и притом с большим трудом.

— Хорошие вести из Лондона?

— Да так, ничего особенного, просто приятель звонил.

— А от мадам Элоизы ничего не было?

— Сегодня нет.

— Ах, подумать только! Греция! Солнце! — вздохнула мадам Аннет, протирая и без того блестящую крышку большого дубового сундука возле камина. — А в Вильперсе — посмотрите — никакого солнца! Зима наступила.

— Да.

Мадам Аннет повторяла эту фразу вот уже несколько дней.

Том не ждал Элоизу раньше Рождества. Хотя, с другой стороны, она могла появиться внезапно

в любой момент — поссорившись с друзьями или решив, что ей надоело жить на яхте. Элоиза была непредсказуема.

Том поставил пластинку «Битлз», чтобы поднять настроение, и принялся ходить взад-вперед по просторной гостиной, засунув руки в карманы. Он обожал свой дом — двухэтажное здание из серого камня, почти квадратное, с четырьмя башнями над четырьмя круглыми угловыми комнатами на верхнем этаже. Благодаря башням дом немного напоминал замок. Вокруг раскинулся обширный сад, и вся усадьба стоила целое состояние — даже по американским меркам. Дом подарил три года назад отец Элоизы — к их свадьбе. До женитьбы Том нуждался в дополнительных средствах — денег Гринлифов не хватало на тот образ жизни, к которому он уже успел привыкнуть, и потому он с радостью ухватился за аферу с Дерваттом. Теперь он сожалел об этом. Он согласился на десять процентов, когда это было совсем немного. Даже он не предполагал, что «Дерватт лимитед» ожидает такой успех.

Вечер он провел так же, как проводил почти все вечера, — в тиши и одиночестве, но сегодня ему мешали беспокойные мысли. Во время еды он включил на небольшую громкость стереопроектор, а затем почитал Сервана-Шрайбера на французском. Ему попались два незнакомых слова. Перед сном он посмотрит их в словаре Харрапа, лежащем на тумбочке возле кровати. Он всегда помнил слова, которые надо было посмотреть.

После обеда он надел плащ, хотя дождя не было, и отправился пешком в небольшое кафе-бар, до которого было с четверть мили. Здесь он иногда выпивал по вечерам чашечку кофе у стойки. Хозяин заведения Жорж непременно справлялся о мадам Элоизе и выражал сочувствие Тому в связи с тем, что ему приходится столько времени проводить в одиночестве. Сегодня Том ответил ему бодрым тоном:

— Не думаю, что она просидит на этой яхте еще два месяца. Ей это наскучит.

— *Quel luxe!*¹, — произнес Жорж мечтательно. У него было брюшко и круглая физиономия.

Том не слишком доверял его неизменному вкрадчивому добродушию. Мари, жена Жоржа, крупная энергичная брюнетка, употреблявшая ярко-красную помаду, была откровенно грубовата, но она умела так безудержно и заразительно смеяться, что это искупало все остальное. Кафе-бар посещал в основном простой люд, и Том ничего не имел против. Однако это не был его любимый бар — просто ближайший. К тому же Жорж и Мари никогда не упоминали Дикки Гринлифа, в отличие от некоторых парижских знакомых его и Элоизы, а также владельца гостиницы «Сен-Пьер», единственной в Вильперсе. Последний как-то спросил: «Вы, возможно, тот мсье Рипли, который был другом американца Гренлафа?» Том признался, что он тот самый мсье Рипли. Но это было три года назад, и сам по себе вопрос —

¹ Какая роскошь (*фр.*).

если он не влек за собой никаких последствий — не беспокоил Тома; тем не менее он предпочитал не затрагивать этой темы. В газетах тогда появилось сообщение, что по завещанию Дикки он получил большую сумму, — некоторые писали, постоянный доход, и это было правдой. Французов всегда интересовали финансовые подробности. Но газеты не сообщали всей правды — они не знали, что Том сам написал это завещание.

Выпив кофе, Том пошел обратно, то и дело поскользываясь на влажных листьях, устилавших обочину дороги. Тротуаров здесь не было. Он прихватил с собой карманный фонарик, потому что уличные фонари стояли очень редко. Пару раз он сказал по дороге «bonsoir»¹ попавшимся навстречу знакомым.

Время от времени перед ним предстала уютная картина — семейство на кухне вокруг стола, покрытого клеенкой, или у телевизора. В некоторых дворах лаяли на цепи собаки. Затем он открыл свои собственные железные ворота высотой десять футов, и его ботинки закричали по гравии. В комнате мадам Аннет горел свет. У нее был свой телевизор. Нередко по вечерам Том брался за кисть — исключительно ради развлечения. Он знал, что художник из него никудышный, хуже Дикки. Но сегодня у него не было настроения заниматься живописью. Вместо этого он написал письмо своему другу Ривзу Мино, американцу, живущему в Гамбурге. Он спраши-

¹ Добрый вечер (*фр.*).

вал Ривза, когда может ему понадобится. Ривз собирался переправить микропенку или что-то там еще с итальянским графом Бертолоцци — причем так, чтобы сам граф об этом не догадался. Тот должен был провести день или два у Тома в Вильперсе, и в задачу Тома входило изъять у него этот предмет из чемодана или откуда бы то ни было (Ривз должен был сообщить откуда), а затем отослать его почтой в Париж человеку, которого Том не знал совсем. Том часто выполнял подобные поручения Ривза, помогая сбывать за границу краденые ценности или еще что-нибудь. Выудить переправляемый предмет из багажа гостя было легче в частном доме, чем в парижской гостинице, где надо было караулить момент, когда человек выйдет из номера. Том был немного знаком с графом Бертолоцци — видел его недавно во время поездки в Милан, куда Ривз тоже приезжал из своего Гамбурга. Том тогда побеседовал с графом о живописи. Обычно для Тома не составляло труда уговорить человека, располагающего временем, заехать к нему в Вильперс на пару дней и взглянуть на его картины. Помимо двух Дерваттов, у него была работа Сутина, которой он особенно гордился, один Ван Гог, два Магритта, а также графика Кокто и Пикассо и рисунки многих менее знаменитых художников, которые, на его взгляд, были ничуть не хуже, а то и лучше. Вильперс находился совсем недалеко от Парижа, и люди с удовольствием соглашались подышать деревенским воздухом перед тем, как двинуться дальше. Часто Том

даже встречал их на своем автомобиле в Орли, поскольку Вильперс был всего в сорока милях к югу от аэропорта. Лишь один раз Том не сумел справиться со своей задачей, когда некоему заезжему американцу стало плохо сразу по приезду, — очевидно, он отравился чем-то в дороге. Гость постоянно пребывал в своей комнате и к тому же не мог уснуть, так что у Тома не было никакой возможности добраться до его чемодана. Впоследствии этот предмет — тоже, кажется, какая-то микропленка — был с великим трудом изъят у американца в Париже одним из людей Ривза. Том не мог понять, чего ради люди так возятся с этими пленками, как не мог этого понять и в детстве, читая шпионские романы. К тому же Ривз и сам был лишь передаточным звеном и получал небольшие проценты. Том отправлял эти вещи через почтовые отделения разных соседних городишек, при этом всегда указывал вымышленное имя и ложный обратный адрес.

В эту ночь Тому не спалось, и в конце концов он выбрался из постели, надел фиолетовый шерстяной халат — толстый, со множеством шнуров и кисточек, подарок Элоизы ко дню рождения, — и спустился в кухню. Он хотел было откупорить бутылочку пива «Супер Валстар», но передумал и решил заварить чай. Том почти никогда не пил чая, так что это некоторым образом гармонировало со всей атмосферой этой ночи — какой-то, он чувствовал, необычной. Он ходил по кухне на цыпочках, чтобы не разбудить мадам Аннет. Чай получился темно-красного оттенка — он насы-

пал его слишком много. Он прошел с подносом в гостиную, налил себе чашку и бесшумно бродил с ней по комнате в войлочных туфлях. А почему бы ему самому не притвориться Дерваттом? — подумал он. Ну да, конечно! Это будет решение всех проблем, решение кардинальное и единственно верное.

Они были почти ровесниками — Дерватту сейчас было бы лет тридцать пять, а Тому как раз исполнилось тридцать три. У него были сероголубые глаза, вспомнил Том, — Бернад или его подружка Цинтия упомянули это однажды, взхлеб описывая ему Дерватта Непорочного. Кроме того, он носил небольшую бородку, что для Тома было — точнее, будет — просто неоценимо.

Джеффу Константу идея, несомненно, понравится. Устроить небольшую пресс-конференцию. Заранее обдумать, какие вопросы могут ему задать и что он им расскажет. Был ли Дерватт такого же роста, как он? Впрочем, кто из журналистов может это знать? Волосы у Дерватта были чуть темнее, подумал он. Но это легко исправить. Том глотнул еще чая, продолжая рассказывать по гостинной. Его появление должно быть неожиданным — даже для Эда с Джеффом, и уж давно для Бернарда. По крайней мере, так они скажут прессе.

Том попытался представить себе встречу с Томасом Мёрчисоном. Главное — быть спокойным, уверенным в себе. Если уж сам Дерватт скажет,

что картина его, что он написал ее, то кто такой Мёрчисон, чтобы перечить ему?

В порыве вдохновения Том подошел к телефону. В это время — было уже больше двух часов ночи — операторы часто засыпали, и на то, чтобы дозвониться, уходило минут десять. Том терпеливо ждал, сидя на краешке дивана. Он подумал, что Джеффу или кому-нибудь еще надо будет достать к его приезду очень хороший грим. Хотелось бы, чтобы за этим проследила какая-нибудь женщина — Цинтия, например, — но Цинтия и Бернард не встречались уже года два или три. Цинтия знала правду о Дерватте и о подделках Бернарда и не желала иметь с этим ничего общего — ни одного пенса от этой аферы, вспомнил Том.

— Aleo, j'écoute¹, — произнесла телефонистка недовольным тоном, как будто Том вытащил ее из постели, чтобы она сделала ему одолжение. Том назвал ей номер студии Джеффа, который был записан у него в книжке возле телефона. Ему повезло — соединили через пять минут. Он пододвинул третью чашку гнусного чая поближе к аппарату.

— Алло, Джефф, это Том. Как дела?

— Все так же. Здесь Эд. Мы как раз думали, не позвонить ли тебе. Так ты приедешь?

— Да, и у меня есть идея. Что, если я сыграю роль... нашего общего друга — по крайней мере, в течение нескольких часов?

¹ Алло, я слушаю (*фр.*).

Джеффу потребовался лишь миг, чтобы оценить это предложение.

— Том, это гениально! Ты успеешь ко вторнику?

— Да, конечно.

— Может, приедешь в понедельник, послезавтра?

— Нет, вряд ли я смогу. Но во вторник буду. Теперь послушай, Джефф, мне нужен грим — и хороший.

— Об этом не беспокойся! Секундочку!.. — он отложил трубку, чтобы переговорить с Эдом, затем опять взял ее. — Эд говорит, что знает, где раздобыть его.

— Только не кричи об этом во всеуслышание, — урезонил его Том холодным тоном, чувствуя, что Джефф чуть ли не прыгает от радости. — И еще. Если это сорвется — если я не справлюсь, — надо будет сказать, что ваш друг — то есть я — просто хотел всех разыграть. Чтобы это не выглядело как... — ты понимаешь что. — Том имел в виду, как попытка выдать мёрчисоновскую подделку за подлинник, и Джефф сразу понял его.

— Эд хочет сказать пару слов.

— Привет, Том! — раздался более низкий голос Эда. — Это просто отлично, что ты приезжаешь. Идея грандиозная! И к тому же — ты знаешь — у Бернарда сохранилось кое-что из его вещей и одежды.

— Это на ваше усмотрение. — Внезапно Том почувствовал тревогу. — Одежда — это несущее